

Цандун уже привыкла к холодному виду своей госпожи. Она была личной служанкой Ся Хань, служила ей более десяти лет — во всём доме Ся не было никого, кто знал бы её лучше. Она знала большинство мыслей Ся Хань, догадывалась о причинах её перемены характера. В сердце её не переставали возникать вздохи, но на лице она сохраняла обычное выражение:

— Привратник только что передал сообщение: зять хочет выйти.

Ся Хань не интересовалась, что делает Линь Юнь. Но всё же это был первый день после их свадьбы, и Цандун специально пришла сообщить, поэтому она спросила:

— Если он хочет выйти, пусть выходит. Зачем говорить мне об этом?

Цандун посмотрела на лицо Ся Хань, затем осторожно сказала:

— Зять сказал, что хочет купить пирожные из Лавки Лotosового Аромата.

Как только эти слова прозвучали, лицо Ся Хань, и так бесстрастное, стало ещё холоднее. Она посмотрела на Цандун — её взгляд был ясен, словно содержал лёд:

— Кто рассказал ему о Лавке Лotosового Аромата?!

Цандун быстро опустила голову, но краем глаза заметила, как рука Ся Хань внезапно сжалась. С тех пор как пришли те новости, она давно не видела, чтобы госпожа проявляла эмоции — даже гнев был редок. Но сейчас она явно разозлилась. Цандун не знала, радоваться ли этому или беспокоиться, и с трепетом ответила:

— Это... я не знаю. Пожалуйста, верьте мне — я точно ничего не говорила!

Взгляд Ся Хань был пронзительным — она видела, что Цандун не лжёт. Именно поэтому её лицо становилось всё мрачнее. Эмоции в сердце несколько раз поднимались, но в конце концов она ничего не сказала, только спросила:

— Где он сейчас?

Цандун, конечно, знала, о ком спрашивает Ся Хань:

— Это первый день — привратник не выпустил его.

Ся Хань тогда сказала:

— Тогда отправь людей следить за ним. Пусть больше не делает ничего неподобающего.

Цандун согласилась и, увидев, что Ся Хань больше ничего не нужно, поспешила выйти. Выйдя из комнаты, она глубоко вздохнула — странное чувство подавленности постепенно рассеялось. Но она всё ещё волновалась — боялась, что её госпожа, упрямо следуя своему пути, в конце концов потеряет то, что у неё есть.

Ушедшие ушли — нельзя вечно погружаться в прошлое.

Перемены Линь Юнь вызвали у Ся Хань редкое чувство раздражения. И сама Линь Юнь не «разочаровала» эту эмоцию: как только Ся Хань отправила людей следить за ней, чтобы та не делала ничего неподобающего — та сразу же побежала перелезть через стену!

В отличие от семьи Ся, которая следовала традициям учёных, семья Линь изначально была военной. Поэтому даже их дочери были более свободными и смелыми, чем в других семьях. Линь Юнь с детства училась боевым искусствам у старшего брата — не говоря уже о том, насколько хорошо она освоила навыки, но её смелость только росла. Кроме боязни призраков, она не уступала своим братьям в лазании по деревьям, перелезании через стены, драках и прочих шалостях — была известна своей «озорностью».

Теперь, желая покинуть дом Ся, лучше всего было выйти через главные ворота — это сэкономило бы время, силы и избежало бы проблем. Но если через ворота не получится — у неё были и другие варианты. Она прогулялась по заднему саду дома Ся и заметила стену, примыкающую к улице.

Стена высотой в полтора человека для Линь Юнь была невысокой — она могла перелезть через неё ещё в десять лет. Поэтому, оглядевшись и убедившись, что никого нет, она подобрала подол платья, закатала рукава и начала действовать.

Однако госпожа Линь забыла — времена изменились.

Её прежнее тело, даже в десять лет, было выковано с детства и превосходило обычных людей не на один уровень. Но сейчас... хоть она и выглядела выше, чем раньше, это была всего лишь слабая и хрупкая «курица», не способная поднять даже курицу!

Линь Юнь не смогла забраться на стену и испачкалась в пыли. Более того — когда она упала со стены, её увидели слуги, которые искали её! Несколько человек, нашедших её, переглянулись, ничего не сказав — но Линь Юнь не могла не заметить удивление и насмешку в их глазах.

В этот момент Линь Юнь немного разозлилась — не на презрение и насмешки людей, а на свою беспомощность. Она сжала губы, встала, глубоко посмотрела на стену (которая раньше не была для неё высокой), затем скрыла эмоции, отряхнула платье и спокойно спросила слуг:

— Что случилось?

Они оправились не так быстро, как Линь Юнь. На их лицах всё ещё было явное злорадство — с её прежним положением женитьба на Ся Хань казалась всем недостойной. Поэтому слуги дома Ся смотрели на неё свысока. Они слегка замялись, прежде чем смущённо ответить:

— Ничего — мы просто проходили мимо.

Затем добавили:

— Зять, вы слишком нежны — лучше не лезьте на стену.

Линь Юнь не была слепой — она видела, что эти люди пришли специально за ней. Чувство слезки вызвало лёгкое раздражение, но она понимала: больше не может делать ничего неподобающего. Тем более что сейчас она не могла перелезть через стену.

Поэтому она кивнула, опустила рукава и подол платья и ушла.

За ней издали следовали люди — скорее всего те же, кто искал её. Линь Юнь заметила это, но не обратила внимания. Она неспешно шла по садовой дорожке — её мысли постепенно рассеялись, и она начала думать о чём-то своём.

О её собственных делах говорить не стоит — по её последним воспоминаниям, она, вероятно,

упала с лошади и разбилась. Её родители, должно быть, горевали. Что касается Линь Юнь — она тоже не была из столицы, приехала издалека, чтобы найти прибежище у советника Ся, своего старого знакомого. С момента её прибытия в дом Ся прошло меньше месяца — а она уже стала «золотым зятем» дома советника.

Линь Юнь перестала думать о ерунде и наконец разобралась в мыслях — как ни крути, всё казалось странным...

Кошмарный сон позволил Линь Юнь узнать о жизни Линь Юнь. Не говоря о печальной судьбе — она знала, что та вошла в дом Ся благодаря залому, оставленному советником Ся много лет назад. На этом всё и закончилось — она была девушкой, переодетой в мужчину, и не упоминала о помолвке. Но, несмотря на отсутствие амбиций, её втянули в нынешнюю ситуацию.

Линь Юнь признавала: хоть она и не ладила с Ся Хань, но та была талантливой девушкой, мастерски владеющей всеми искусствами. В столице было множество знатных молодых людей, желавших на ней жениться — она не выглядела как та, кто не мог выйти замуж. Более того, когда советник Ся выдавал дочь замуж — в столице было множество знатных семей, желавших породниться. Зачем же он настаивал на том, чтобы втянуть Линь Юнь?! Будто хотел избавиться от обузы!

Однако Линь Юнь ясно помнила — советник Ся очень любил свою дочь. Когда она уезжала из столицы с родителями — слышала, что этот человек хочет выбрать для дочери лучшего жениха... Поэтому эта свадьба казалась Линь Юнь поспешной и загадочной.

Линь Юнь неспешно прогулялась по саду. Она почти не бывала в доме Ся — Линь Юнь, войдя в дом, всё время скромно жила в гостевом дворе и не знала усадьбу. Поэтому, не найдя ответов и не зная, куда идти — вернулась в новую комнату.

А в это время новость о неудачной попытке Линь Юнь перелезть через стену уже дошла до Ся Хань.

Даже Ся Хань, которая сейчас была ко всему равнодушна, слегка удивилась, услышав такое. Она посмотрела на Цандун — в её холодных глазах впервые появилось недоумение:

— Зачем он полез на стену?

Цандун сжала губы, посмотрела на лицо Ся Хань и тихо сказала:

— Зять, вероятно, хотел выйти.

Раньше Линь Юнь уже остановили у главных ворот — ответ был очевиден. Ся Хань спрашивала не об этом. Она слегка нахмурилась:

— Отец не запрещал ему уходить, разве нет? Неужели наш дом Ся — логово дракона или тигра, что раньше он не хотел уходить, а теперь не может оставаться?

Её тон был спокоен, но сквозило лёгкое недовольство. Это нельзя было поставить в вину Ся Хань — действия Линь Юнь были действительно неподобающими. Сложно было не разозлиться: до свадьбы Линь Юнь уже почти месяц жила в доме Ся, всегда вела себя спокойно и никогда не думала о том, чтобы выйти. А после свадьбы — не только захотела уйти, но и попыталась перелезть через стену! Разве это не было презрением к браку?!

В конечном счёте Ся Хань была ещё молода и имела врождённую гордость — как она могла вынести такое пренебрежение?!

<http://bllate.org/book/16383/1482787>